

УДК 130.2+351.85

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-4-40-50

О.В. Костенко**ЭВОЛЮЦИЯ «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ: ОТ ГЕНЕЗИСА К СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ТЕЧЕНИЯМ XX–XXI ВВ.**

В статье рассмотрен процесс развития «культуры отмены» как социокультурной практики. Автором отмечается, что в различные исторические периоды существовали как правовые, так и внеинституциональные процедуры воздействия на отдельную личность и социальные группы. На основании культурно-антропологического подхода показана взаимосвязь практик отмены и усложнения социальной структуры. На сегодняшний день «культура отмены» представляет собой трансформировавшиеся социальные практики, направленные на регуляцию анти-социальных действий и неприемлемых паттернов поведения.

Ключевые слова: остракизм, культура отмены, канселлинг, общество, ценности, социокультурная практика, новая этика.

Актуальность темы исследования. В начале XXI века, в условиях усложнения и децентрализации социальных связей, вызванных влиянием глобализационных процессов и расширяющейся сетью массмедиа, лежащей в основе современного информационного общества, на передний план в качестве технологий социально-культурной регуляции выходят внеинституциональные формы, одной из самых неоднозначных среди которых является «культура отмены» (cancel culture). Это понятие сегодня вызывает интерес не только в средствах массовой информации, но и с недавних пор стало объектом научного анализа как в отечественном, так и зарубежном исследовательском пространстве. Широкое обсуждение данного феномена началось в 2017 году после публикации итогов журналистского расследования в американской газете «The New York Times», положившей начало движению #MeToo [1. С. 19]. По данным «Оксфордского словаря популярных слов за 2020 год», понятие «cancel culture» вошло в июле этого года в тройку самых употребляемых слов [2. С. 2]. Объясняется это волной социальных противоречий, нарастающих в американском и западноевропейском обществах и повлекших усиление интереса к технологиям бойкота, отмены и неприятия тех членов общества, чьи действия можно охарактеризовать как недопустимые. Механизмы «культуры отмены» стали манифестироваться как технологии установления общественной справедливости, направленные против «людей и явлений, которые пропагандируют социально неприемлемые взгляды» [2. С. 35]. В 2021 году в «Cambridge Dictionary» появляется дефиниция «культуры отмены» как «способа поведения в обществе или группе, особенно в социальных сетях, при котором принято полностью отвергать и прекращать поддерживать кого-либо вследствие его оскорбительных высказываний либо действий» [3]. Подчеркнем, что современные технологии бойкота распространены сегодня преимущественно в информационном пространстве, которое представляет собой не только средство коммуникации, но и площадку формирования общественного мнения, а также продвижения основных социокультурных тенденций [См. об этом подробнее, например: 1. С. 21; 4. С. 24–25]. Аксиологический вектор данного пространства крайне субъективен и напрямую зависит от взглядов и ценностей, разделяемых владельцами СМИ и интернет-площадок. Массовость, являющаяся одной из базовых характеристик цифрового пространства, позволяет при помощи различных социокультурных технологий «разворачивать общественное мнение в нужном направлении и добиваться нужных прогнозируемых

реакций в обществе на определенные явления» [4. С. 24]. И в этом ключе «культура отмены» проявляется уже не как механизм установления социальной справедливости, а представляет собой инструмент «манипулирования общественным мнением» [5. С. 212], при помощи которого можно не только внедрять необходимые ценностные установки, но и поддерживать их.

Еще один аспект функционирования цифрового пространства, информационной «метавселенной», существующей, по словам Г. Сардаряна, параллельно реальности, – это значительное искажение либо вовсе лишение функций привычных институциональных форм социального контроля. Цифровая реальность «позволяет не пользоваться традиционными институтами – судебной властью, законодательством, правом» [6], замещая их субъективными и ничем не ограниченными представлениями о нормах морали, самостоятельно определяя границы приемлемого и неприемлемого [5. С. 215]. Эту же тенденцию информационного пространства отмечает и Л.Ю. Шураева, акцентируя внимание на размывании межличностных границ и появлении новых способов «регуляции поведения» [7. С. 250]. В англоязычном социальном пространстве «cancel culture» называют «культурой вызова» [3], подчеркивая ее функцию выявления и удаления проблемных людей из *доминирующей культуры* как способа «осуществлять некоторый контроль над миром... потому что благодаря социальным сетям мы можем распределять наказания» [3]. Так в медиaprостранстве практики общественного порицания, которые включают различные виды бойкота, приобретают новые черты, выходя за привычные механизмы социальных институтов.

Степень научной разработанности проблемы. В отечественном научном пространстве понятие «культуры отмены» является неологизмом: его активное использование началось в 10-х годах XXI века, а основной массив исследований на данную тему, как правило, содержится в англоязычных публикациях, среди которых следует отдельно отметить работы П. Норрис, изучающей «культуру отмены» как социальную технологию устранения альтернативных точек зрения [8] и угрозу академическим свободам в университетской среде [9]. В исследованиях Дж. Хайдт и Г. Лукьянова было раскрыто происхождение «культуры отмены» в университетских кругах [10], в работах Б.Г. Муджтаба и Ф.Дж. Кавико были рассмотрены технологии «культуры отмены» в рамках движения #MeToo [11]. Среди российских исследований феномена культуры отмены выделим семантико-лингвистический аспект (А.Ф. Фефелов) [12], социально-коммуникативный аспект (Л.Ю. Шураева, А.Г. Коринец) [7], правовой и социально-политический аспект (В.А. Виноградов [4], В.А. Симхович [5], Г.Ю. Дашинимаев [1], Г. Кузнецов, М. Ступко [13]) и др. В отечественной культурологии изучение данного феномена проводится в основном в контексте анализа «новой этики» (А.А. Гусейнов [14], Т.И. Ерохина [15], Н.Г. Кротовская, В.С. Кулагина-Ярцева [16] и др.), частично затрагивая ее трансформацию на международном уровне (О.Ю. Юхнина [17]). Отметим, что рассмотрение культуры отмены как исключительно современного феномена без корреляции с историческим социально-культурным опытом сужает ее семантические границы, и, как следствие, понимание ее функциональности на современном этапе. Это и обуславливает *актуальность* предлагаемой проблемы данного исследования.

Объект данного исследования – процесс возникновения и исторического развития «культуры отмены».

Целью исследования выступает анализ зарождения и эволюции «культуры отмены» как специфической социокультурной практики.

Задачи исследования:

- показать предпосылки зарождения практик социального бойкота;
- выявить особенности развития социальных практик «культуры отмены» в культурно-историческом контексте;
- раскрыть специфику трансформации культуры отмены в социально-политических течениях XX–XXI вв.

Научная новизна исследования заключается в осмыслении с позиций культурологии генезиса и процесса развития «культуры отмены» как социокультурной практики, что позволяет уточнить ее терминологические и семантические границы. В этом ключе «культура отмены» предстает не новым явлением, а трансформацией устойчивых социально-культурных взаимодействий.

Теоретико-методологическими основами исследования выступили: *культурно-антропологический подход*, подразумевающий, что «общество – это форма жизни индивидов, наполняемая содержанием в виде культуры как определенного способа жизни, присущего именно данному обществу» [18. С. 113], и, соответственно, определяющий интерпретацию культуры отмены в качестве коллективной социокультурной практики воздействия на индивида в традиционном обществе. *Сравнительно-исторический метод*, посредством которого были сопоставлены социальные практики «культуры отмены» в различные эпохи. Общенаучные методы *анализа и описания*, при помощи которых были охарактеризованы предпосылки и специфика «культуры отмены». Метод *кейс-стади*, посредством которого на конкретных примерах «культура отмены» была раскрыта как социально-политическая технология управления современной культурой и обществом.

Источниковую базу исследования составляют научные публикации, посвященные исследованию практик «культуры отмены» как наказания за преступления либо проступки против общества и поддерживаемых им ценностей. Также обширную часть эмпирической базы занимают публикации в средствах массовой информации, что обусловлено спецификой темы исследования.

Основная часть. Само «понятие культуры» отмены включает в себя такое слово, как «cancel» (отмена), имеющее сленговое происхождение и вошедшее в употребление в афроамериканских сообществах в 90-х годах прошлого века [13. С. 40], а также в сообществах американских студентов для «порицания» действий своих преподавателей в борьбе за равенство и справедливость [10; 12. С. 128]. Его распространение на Западе, как уже нами было отмечено, связано с кампанией #MeToo, начавшейся в 2010-х гг. Однако практики социального исключения как наказания за общественные проступки и преступления были присущи человечеству тысячелетия назад в различных культурных центрах Востока и Запада, о чем, в частности, свидетельствуют «пережитки» и традиции, детально охарактеризованные социальными и культурными антропологами. Так, разнообразные обычаи, связанные с изгнанием из племени его членов, были описаны в трудах А.Р. Рэдклиффа-Брауна, изучавшего становление правовых институтов у так называемых «примитивных обществ» и акцентировавшего внимание на усиливающемся разграничении наказаний при совершении преступлений против личности и преступлений против социума как такового [19. С. 244–252]. А.Р. Рэдклифф-Браун отмечал, что в племенах, «не имеющих политической организации, не существует процедуры наказания за преступления против общества, а поэтому нет и законов о преступлениях против общества... У ифугао... общество не наказывает за причинение ущерба ему самому, если не считать наказанием общественное порицание» [19. С. 249].

Требование наказания – это процедура, способствующая выходу морального возмущения и восстановлению общественного равновесия за счет поддержки морального уровня членов сообщества. Важным этапом становления правовой системы и обособления преступлений против общества становится появление судей. Например, описывая судебные процедуры африканских племен, А.Р. Рэдклифф-Браун отмечает, что все споры и нарушения прав выносились на суд старших мужчин, которые исполняли не только функции жрецов, но и были судьями, представляя собой прообраз современной судебной системы [19. С. 250]. Осуществлением наказания по «обычным», то есть не вредящим всему сообществу проступкам и преступлениям, занимались сами истцы, без привлечения старших. Что интересно, если совершалось преступление против личности («убийство, нанесение телесных повреждений, воровство, прелюбодеяние и невозвраще-

ние долгов» [19. С. 246]), то дело могло быть урегулировано договоренностью с родственниками жертвы и выплатой им компенсации. При преступлениях против общества (таких, например, как колдовство, и все, что представляет массовую опасность), к провинившемуся применялись самые строгие санкции и привлекались к разбирательствам и самому наказанию «старшие», которые «могут приговорить его к смертной казни или... *изгнать его из мест, в которых он живет* (курсив наш – О.К.)» [19. С. 251]. Как мы видим, уже в дописьменных обществах, при становлении института права четко различались преступления против личности (отдельной) и преступления против общества, и наказания за последние всегда были тем жестче, чем устойчивее была политическая система. Причем к преступлениям против общества относилось все, что может подорвать его стабильность, нарушить как физическую, так и нравственную безопасность его членов.

Одним из важных этапов эволюции практик «культуры отмены» стало усложнение процедуры исключения человека из социальной системы: *перевод физического удаления в символическую плоскость* мы находим уже в эпоху Античности, в которую происходит трансформация изгнания как наказания за преступления против общества. Как отмечает В.А. Виноградов, именно в Древней Греции получает свое распространение остракизм как внесудебная процедура исключения человека из социальной жизни. Здесь данная технология стала представлять собой превентивную форму наказания, ориентирующуюся не на реально совершенный проступок или преступление, а на сложившееся общественное мнение: «Изгоняемый человек ничего еще не совершил, он просто представлял потенциальную угрозу демократии. Его “исключали” из общества не за совершенный проступок, а за возможность его совершения в будущем» [4. С. 20]. Главным отличием античного остракизма от современной «культуры отмены» была закрепленная в правовых документах упорядоченность данной социальной процедуры. По сути, афинский остракизм представлял собой политическую технологию борьбы за власть, закрепленную на законодательном уровне и регламентированную сводом правил, что исключало его субъективный характер и не включало вопросы этики и морали.

В качестве еще одного примера можно привести практикуемый в древнеримском праве ритуал наказания, получивший впоследствии название «*Damnatio memoriae*» (от лат.«проклятие памяти») [20].

Подобные практики отмены появляются и в религиозных обычаях, где физическое изгнание заменялось изгнанием из церкви и исключением из общины за проступки против веры и самой конфессии. Причем данное наказание включало не только сакральную составляющую (отлучение от таинств и церковной жизни), но и «лишение гражданских прав... а его последствия могли распространяться на детей отлученного» [13. С. 40]. Часто такие практики отмены преследовали личные интересы власть имущих и строились на несправедливых и даже абсурдных обвинениях. Примером такого «неправедного суда», означаемого «английской идиомой “кенгуру-суд”» [4. С. 18], является процесс над мертвым Папой Римским Формозом, названный «Страшным Синодом». Целью данного суда было аннулирование рукоположения и отмена принятых Папой решений, что являлось попыткой легитимизации пересмотра уже случившихся исторических событий и передела сфер влияния католической Европы того времени. Сегодня мы видим попытки таких незаконных судилищ в отношении пересмотра политики СССР в целом, а также победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, что, разумеется, выходит за рамки данной статьи и требует отдельного исследования.

В качестве эволюции инструмента социального исключения можно рассматривать и церковную анафему, особенно при ее введении в поле канонического права. Так, по духовному регламенту 1721 года ее применение приравнивалось к смертной казни [21. С. 83]. Ей точно так же, как и вышеупомянутому «проклятию памяти», могли предаваться уже скончавшиеся люди, что значительно усиливало ее эффект.

Впервые анафема как карательный *политический инструмент* применяется к митрополиту Клименту и умершему великому князю Изяславу [21. С. 84], а все совершенные ими действия в отношении церкви объявляются недействительными [22]. По словам А.Р. Павлушкова, анафема до XIX века «использовалась и как способ разрешения политического конфликта или как средство политического давления» [21. С. 86], что сближает ее по целям с современной «культурой отмены» в международном формате. Причем, как мы видим, она имела и ретроспективное влияние – возможность подвергать сомнению и удалению ранее общепринятые положения.

Своеобразным предтечей современной «культуры отмены» была такая процедура, как гражданская казнь, – существовавший в России XVIII–XIX вв. вид наказания для дворянского сословия посредством «лишения всех прав состояния» [4. С. 20], включая врожденные и приобретенные титулы, чины, награды и пр. В.А. Виноградов подчеркивает символичность гражданской казни, когда процесс публичного изъятия или уничтожения статусных символов («преломление шпаги над головой осужденного» [4. С. 20]) ознаменовывал потерю «гражданских и политических прав... смерть человека для общества» [4. С. 20]. Такой гражданской казни подверглись декабристы в 1826 году, писатели Ф.М. Достоевский в 1849 году и М.Л. Михайлов в 1861 году и др.

Интересна процедура гражданской казни над И. Мазепой в 1708 году, когда после предания бывшего гетмана анафеме на эшафот вынесли символизировавшую его куклу, «взошли на возвышение Меншиков и Головкин и разодрали патент на звание кавалера... Вслед за тем сорвали с куклы андреевскую ленту, палач зацепил куклу веревкою и повесил на виселице» [23. С. 348].

Таким образом, рассматриваемая процедура имеет много общего с «культурой отмены», однако, существенным отличием выступает строгая институционализированность самого суда и изгнания как наказания при гражданской казни. В связи с этим отметим, что «чистки» государственных учреждений в 1930-е гг. в СССР тоже можно рассматривать как социально-политический инструмент, имеющий общие основания с «культурой отмены».

Подводя промежуточный итог, подчеркнем, что, несмотря на наличие в истории человечества весьма разнообразных сложившихся форм исключения граждан из социальной структуры, тем не менее, от современных проявлений «культуры отмены» их отличает институционализированность, которая, как уже отмечалось выше, сводится к минимуму, а то и исключается на современном этапе. Эволюция «культуры отмены» и становление ее современной формы происходили в прямой корреляции с развитием средств массовой коммуникации, облегчающих и ускоряющих передачу информации.

Один из первых ярких примеров влияния СМИ на скорость и охват социально-культурного исключения (канселлинга) – это «отмена» группы Битлз. Как отмечают Г. Кузнецов и М. Ступко, высказывания Дж. Леннона, что «The Beatles “более популярны, чем Иисус”... привело к массовым акциям протеста среди христиан, публичному сожжению пластинок группы и отказу многих радиостанций от использования их песен в эфире» [13. С. 41]. Благодаря СМИ отмена кого-либо приобрела массовость и тотальность, что было несвойственно предыдущим типам общества.

В контексте рассмотрения эволюции «культуры отмены» нельзя не отметить, что практически все современные западные течения, выступающие за установление социальной справедливости и распространяемые посредством массмедиа (либо использующие их как важный канал влияния), сегодня объединяет такой феномен, как «новая этика». Появление данного термина связывают с движением за права женщин «новая мораль» («Neue Ethik»), возглавляемым активисткой первой волны немецкого феминизма Х. Штекер [13. С. 41]. Его сторонники выступали за освобождение (прежде всего материальное) женщин, либерализацию отношений между мужчиной и женщиной, разделяя феминистские лозунги того времени. Целый ряд исследователей отмечает отсут-

ствие единого определения «новой этики», отмечая, что смена ценностных ориентиров и этических норм свойственна в целом развитию общества [16]. В настоящее время «новая этика» представляет собой, по определению академика А.А. Гусейнова, «моралистический поворот общественного сознания, направленный на очищение гуманитарного знания и общепринятых ценностных установок от наследия колониализма, расизма, сексизма и других форм империализма» [14. С. 91–92], свойственный в основном западному обществу. Причем для таких течений характерен революционный подход в отношении противоречащих или просто не относящихся к ней ценностей и социально-культурных установок.

«Новая этика» требует радикального пересмотра старых социальных практик («старой этики»), теперь кажущихся представителям движения несправедливыми. Как, например, в случае с движением против расизма «жизни черных имеют значение» (Black Lives Matter, BLM) его сторонникам недостаточно признания самого факта расизма и стремления к равенству, они требуют нового неравенства, возвышающего представителей их расы, как компенсации за старый порядок, уничтожения исторической и культурной памяти как акта стирания нарративов прежних ценностей. Т.И. Ерохина называет это «беспощадным требованием» исправления ошибок прошлого, даже если вина индивида определяется только фактом рождения в определенном классе [15]. Идеи данного движения, заключающиеся в смене ценностных парадигм, далеко не новы, однако в современном воплощении приобретают радикальную окраску. А.А. Гусейнов говорит о «новой этике» как о процессах, которые стали серьезной социально-политической силой, не просто отстаивающей морально-этические устои современной социальной структуры, а императивно и бескомпромиссно внедряющей определенные установки: «“Новая этика” претендует именно на новую моральную истину» [14. С. 93]. То есть в транслируемых взглядах нельзя сомневаться, а у оппонентов просто нет прав высказать свое мнение или видение ситуации. Здесь важно не просто принятие неких персональных взглядов, а их полное общественное признание.

Важным этапом эволюции «культуры отмены» и ее окончательной трансформацией в социально-политический инструмент является распространение этой технологии в сферу международных отношений. Применение механизма «отмены» в отношении целых стран и народов наиболее ярко видно на примере попытки отмены России, ее культуры и традиций с 2022 года. О.Ю. Юхнина отмечает, что такой опыт отмены целого государства уже был, приводя в пример Югославию и сербский народ, «тогда целью экономического и политического бойкота было воздействие на ценностные ориентиры и логику исторического развития, изменение их в соответствии с представлениями Запада» [17. С. 255]. Тем не менее, существуют серьезные различия в масштабе и технологиях в отношении отмены русской культуры, связанные как с цифровым пространством, так и с геополитическими установками.

Выводы. Итак, проследив зарождение и эволюцию «культуры отмены», отметим, что она представляет собой далеко не новое явление в цивилизационном развитии. Исторических примеров канселлинга как общественного механизма цензуры и возмездия, который может «одобряться и даже продвигаться государством» [2. С. 18], достаточно много. Например, рассматривая «культуру отмены» в ключе правовых отношений, исследователи относят к ней не только внеинституциональные формы социального регулирования, но и вариации незаконного или несправедливого суда, самосуда. Также по своей природе с «культурой отмены» схожи различные вариации контркультурных течений, причем как межпоколенные (студенческие протесты), так и межцивилизационные, основанные на смене ценностного ядра культуры (например, становление советского общества) столкновений. Практически все новые социальные движения в цифровом пространстве, направленные на установление социальной справедливости и объясняемые сегодня с позиций «новой этики», также относятся к канселлингу.

Таким образом, «культура отмены» – это современный феномен, объединивший всю совокупность разносторонних общественных практик установления социальной справедливости. Она представляет собой трансформировавшиеся во внеинституциональную форму судебные и социокультурные практики, направленные на регуляцию антисоциальных и неэтических действий и противодействующие на уровне гражданского общества неприемлемым паттернам поведения. «Культура отмены» не является практикой сугубо XX века и не ограничивается семантикой социального манипулирования и сменой ценностных парадигм в рамках только одной культуры или исторической эпохи.

Литература

1. Дашинамаев Г.Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 1. С. 19–24.
2. Oxford Languages 2020 Words of an Unprecedented Year. Oxford. 38 p. URL: <https://languages.oup.com/wp-content/uploads/oxford-languages-words-of-an-unprecedented-year-2020.pdf> (дата обращения: 28.09.2024).
3. Cancel culture // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture> (дата обращения: 26.09.2024).
4. Виноградов В.А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 17–30.
5. Симхович В.А. Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением // Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль): материалы I Международного научно-методологического междисциплинарного семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума», Минск, 10 ноября 2022 г. / ред. Данилов А.Н. Минск: БГУ, 2022. С. 212–219.
6. Солонов Н. Почему Запад пытается «отменить» Россию? Мнение декана МГИМО Генри Сардаряна. URL: <https://sm.news/genri-sardaryan-smysl-kultury-otmeny-71572-u3t5/> (дата обращения: 17.10.2024).
7. Шураева Л.Ю., Коринец А.Г. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z // Вестник университета. 2022. № 12. С. 248–256.
8. Norris P. Closed Minds? Is a «Cancel Culture» Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? URL: <https://www.hks.harvard.edu/publications/closed-minds-cancel-culture-stifling-academic-freedom-and-intellectual-debate> (дата обращения: 24.09.2024).
9. Norris P. Cancel culture: Heterodox self-censorship or the curious case of the dog-which-didn't-bark. URL: <https://www.hks.harvard.edu/publications/cancel-culture-heterodox-self-censorship-or-curious-case-dog-which-didnt-bark> (дата обращения: 23.09.2024).
10. Haidt J., Lukianoff G. The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure. URL: <https://eddierockerz.files.wordpress.com/2020/11/the-coddling-of-the-american-mind-how-good-intentions-and-bad-ideas-are-setting-up-a-generation-for-failure-pdfdrive-.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).
11. Mujtaba B.G., Cavico F.J. Ethical Analysis of Office Romance and Sexual Favoritism Policies in the #MeToo Workplace and «Cancel Culture» Era // SocioEconomic Challenges. 2020. № 4 (4). P. 132–150.
12. Фефелов А.Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2022. Т. 20. № 1. С. 126–144.

13. Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены: история и современность // Социодиггер. 2022. Т. 3. Вып. 34 (17). С. 40–44.
14. Гусейнов А.А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. Вып.58. С. 91–106.
15. Ерохина Т.И. «Новая» и / или старая этика: метаморфозы антиутопии // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачёвские научные чтения, 9–10 июня 2022 г., Санкт-Петербург. СПб.: СПбГУП, 2022. С. 246–248.
16. Кротовская Н.Г., Кулагина-Ярцева В.С. «Новая этика», истоки и современность (обзор) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022, Т. 11. № 2А. С. 255–256.
17. Юхнина О.Ю. Грани «новой этики»: «культура отмены» как новая социальная реальность // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире: XXI Международные Лихачёвские научные чтения, 25–26 мая 2023 г., Санкт-Петербург. СПб.: СПбГУП, 2024. С. 255–257.
18. Микитинец А.Ю., Микитинец О.И. Культурно-антропологический анализ генезиса субкультур // Культура народов Причерноморья. 2014. № 278. Т. 2. С. 112–117.
19. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с.
20. Костенко О.В. Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 248–252. DOI: org/10.24158/fik.2023.5.38.
21. Павлушков А.Р. Анафема как форма уголовной и политической репрессии в карательной политике российского государства // Пенитенциарная наука. 2014. № 2 (26). С. 83–87.
22. Архимандрит Макарий (Веретенников). Киевский Митрополит Константин I. URL: <https://www.pravmir.ru/kiievskiy-mitropolit-konstantin-i/> (дата обращения: 18.10.2024).
23. Костомаров Н.И. Мазепа. Историческая монография. Москва: Типо-литография И.Н. Кушнерева и Ко, 1883. 446 с.

Evolution of the Cancel Culture as a Socio-Cultural Practice: From Genesis to the Socio-Political Trends of the 20th–21st centuries

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2024, 4 (95), 40–50.

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-4-40-50

Olesya V. Kostenko, Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation). E-mail: olesya.kostenko.72@mail.ru.

Keywords: ostracism, cancel culture, cancelling, society, values, socio-cultural practice, new ethics.

At the beginning of the 21st century, under the influence of globalization processes and digitalization, social ties become more complex and new forms of interaction appear. In this regard, the issues of the emergence of new technologies of socio-cultural regulation, among which the most widespread is the cancel culture, are of particular relevance. The purpose of this article is to analyze the genesis and evolution of the cancel culture as a specific socio-cultural practice. The work emphasizes that the cancel culture is a tool through which the promotion of basic socio-cultural trends and the introduction of certain, mainly Western, values occur. According to the cultural-anthropological approach, the practice of “cancelling” (exclusion) as a punishment for social offenses and crimes was inherent in humanity thousands of years ago in various cultural centers of the East and West. When applying the comparative historical method to compare the social practices of expulsion, it is shown that an important stage in the evolution of the cancel culture was the complication of the procedure for

eliminating a person from the social system. Also, the translation of physical removal into the symbolic plane can be observed already in Ancient Greece. In later periods, the procedures of “exclusion” were used in Christian religious traditions as punishment for heresy and apostasy, as well as in the procedure of “civil execution” in Russia. With the development of mass media, the “cancelling” of someone acquired mass and total character, which was reflected in the Western political space as the phenomenon of “new ethics”. It is characterized by a revolutionary approach to values and socio-cultural attitudes that contradict or simply do not relate to it, requiring a radical revision of old social practices (“old ethics”). The final transformation of the cancel culture is taking place at the present stage with the spread of this technology into the sphere of international relations. It is transformed from a tool of manipulation into a socio-political mechanism and is applied to entire countries and peoples. This is most clearly seen in the example of the attempt to cancel Russia, its culture and traditions from 2022. Thus, having undergone a long evolution, the cancel culture has transformed from individual socio-cultural practices of traditional societies into an actively implemented socio-political instrument.

References

1. Dashinimaev, G.Yu. (2021) Cancel culture kak novaya sotsial'naya real'nost' [Cancel culture as a new social reality]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya Bulletin of the Buryat State University. Philosophy.* 1. pp. 19–24.
2. Oxford (2020) *Oxford Languages 2020 Words of an Unprecedented Year*. Oxford. [Online] Available from: <https://languages.oup.com/wp-content/uploads/oxford-languages-words-of-an-unprecedented-year-2020.pdf> (Accessed: 28.09.2024).
3. Cambridge (2024) Cancel culture. In: *Cambridge Dictionary*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture> (Accessed: 26.09.2024).
4. Vinogradov, V.A. (2023) Analiz fenomena “kul'tura otmeny” kak instrumenta regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy [Analysis of the phenomenon of “cancel culture” as an instrument for regulating social relations]. *Zhurnal rossiyskogo prava Journal of Russian Law*. Vol. 27. 3. pp. 17–30.
5. Simkhovich, V.A. (2022) Kul'tura otmeny kak instrument manipulirovaniya obshchestvennym mneniem [Cancel culture as a tool for manipulating public opinion]. In: Danilov, A.N. (ed.) *Sovremennyy sotsium: sotsiologiya zhizni (mezhdistsiplinarnyy profil'): materialy I Mezhdunarodnogo nauchno-metodologicheskogo mezhdistsiplinarnogo seminara “Novye vyzovy i perspektivy razvitiya sovremennogo sotsiuma ”* [Modern society: sociology of life (interdisciplinary profile): materials of the I International scientific and methodological interdisciplinary seminar “New challenges and prospects for the development of modern society ”]. Minsk: Belarusian State University. pp. 212–219.
6. Solonov, N. (2022) *Pochemu Zapad pytaetsya “otmenit” Rossiyu? Mnenie dekana MGIMO Genri Sardaryana* [Why is the West trying to “cancel” Russia? Opinion of MGIMO Dean Henry Sardaryan]. [Online] Available from: <https://sm.news/genri-sardaryan-smysl-kultury-otmeny-71572-u3t5/> (Accessed: 17.10.2024).
7. Shuraeva, L.Yu. & Korinets, A.G. (2022) Sotsial'nyy effekt “kul'tury otmeny” v tsifrovom prostranstve na primere pokoleniy Y i Z [Social effect of the “cancel culture” in the digital space on the example of generations Y and Z]. *Vestnik universiteta University Bulletin*. 12. pp. 248–256.
8. Norris, P. (2020) Closed Minds? Is a “Cancel Culture” Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? [Online] Available from: <https://www.hks.harvard.edu/publications/closed-minds-cancel-culture-stifling-academic-freedom-and-intellectual-debate> (Accessed: 24.09.2024).

9. Norris, P. (2023) Cancel culture: Heterodox self-censorship or the curious case of the dog-which-didn't-bark. [Online] Available from: <https://www.hks.harvard.edu/publications/cancel-culture-heterodox-self-censorship-or-curious-case-dog-which-didnt-bark> (Accessed: 23.09.2024).
10. Haidt, J. & Lukianoff, G. (2018) The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure. [Online] Available from: <https://eddierockerz.files.wordpress.com/2020/11/the-coddling-of-the-american-mind-how-good-intentions-and-bad-ideas-are-setting-up-a-generation-for-failure-pdfdrive-.pdf> (Accessed: 27.09.2024).
11. Mujtaba, B.G. & Cavico, F.J. (2020) Ethical Analysis of Office Romance and Sexual Favoritism Policies in the #MeToo Workplace and “Cancel Culture” Era. *SocioEconomic Challenges*. 4(4). pp. 132–150.
12. Fefelov, A.F. (2022) Diskurs vokrug cancel culture kak ob’ekt lingvokul’turnogo i perevodcheskogo analiza: logika protiv “logiki” [Discourse around cancel culture as an object of linguocultural and translation analysis: logic versus “logic”]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya ” Bulletin of the Novosibirsk State University. Series “Linguistics and Intercultural Communication”* Vol. 20. 1. pp. 126–144.
13. Kuznetsov, G. & Stupko, M. (2022) Kul’tura otmeny: istoriya i sovremennost’ [Cancellation Culture: History and Modernity]. *SotsioDigger – SocioDigger*. Vol. 3. 34 (17). pp. 40–44.
14. Guseynov, A.A. (2021) Chto novogo v “novoy etike”? [What’s new in the “new ethics”?]. *Vedomosti prikladnoy etiki – Vedomosti Applied Ethics*. 58. pp. 91–106.
15. Erokhina, T.I. (2022) “Novaya” i / ili staraya etika: metamorfozy antiutopii [“New” and / or old ethics: metamorphoses of dystopia]. In: *Global’nyy konflikt i kontury novogo mirovogo poryadka: XX Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya* [Global conflict and contours of the new world order: XX International Likhachev Scientific Readings]. St. Petersburg. pp. 246–248.
16. Krotovskaya, N.G. & Kulagina-Yartseva, V.S. (2022) “Novaya etika”, istoki i sovremennost’ (obzor) [“New Ethics”, Origins and Modernity (Review)]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke – Context and Reflection: Philosophy about the World and Man*. Vol. 11. 2A. pp. 255–256.
17. Yukhnina, O.Yu. (2024) Grani “novoy etiki: “kul’tura otmeny” kak novaya sotsial’naya real’nost’ [Facets of the “new ethics”: “cancel culture” as a new social reality]. In: *Dialogi i konflikty kul’tur v menyayushchemsya mire: XXI Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya* [Dialogues and conflicts of cultures in a changing world: XXI International Likhachev Scientific Readings]. St. Petersburg. pp. 255–257.
18. Mikitinets, A.Yu. & Mikitinets, O.I. (2014) Kul’turno-antropologicheskii analiz genezisa subkul’tur [Cultural and anthropological analysis of the genesis of subcultures]. *Kul’tura narodov Prichernomor’ya – Culture of the peoples of the Black Sea region*. 278. Vol. 2. pp. 112–117.
19. Radcliffe-Brown, A. (2001) *Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve. Ocherki i leksii* [Structure and Function in Primitive Society. Essays and Lectures]. Moscow: Publishing Company “Vostochnaya literatura” of the Russian Academy of Sciences.
20. Kostenko, O.V. (2023) Istoriko-filosofskie predposylki stanovleniya ponyatiya “kul’tura otmeny” [Historical and philosophical prerequisites for the formation of the concept of “cancel culture”]. *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kul’tura – Society: philosophy, history, culture*. 5. pp. 248252. DOI: [org/10.24158/fik.2023.5.38](https://doi.org/10.24158/fik.2023.5.38)
21. Pavlushkov, A.R. (2014) Anafema kak forma ugovnoy i politicheskoy repressii v karatel’noy politike rossiyskogo gosudarstva [Anathema as a form of criminal and political

repression in the punitive policy of the Russian state]. *Penitentsiarnaya nauka* “*Penitentiary Science*”. 2 (26). pp. 83–87.

22. Arkhimandrit Makariy (Veretennikov) (2008). Kievskiy Mitropolit Konstantin I [Kiev Metropolitan Constantine I]. *Al'manakh “Al’fa i Omega” – Almanac “Alpha and Omega”*. 52. [Online] Available from: <https://www.pravmir.ru/kiievskiy-mitropolit-konstantin-i/> (Accessed: 18.10.2024).

23. Kostomarov, N.I. (1883). *Mazepa. Istoricheskaya monografiya*. [Mazepa. Historical monograph]. Moscow: Typo-lithography I.N. Kushnereva and Co.

